

Непраш Олеся Владимировна
(Новосибирск)

ВНУТРИСЛОВНАЯ АНТОНИМИЯ НЕКОТОРЫХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассмотрен феномен «внутрисловной антонимии» или «энантиосемии» на примере слов, обозначающих духовные понятия, личностные качества человека. С течением времени они поменяли значение, свой оценочный компонент. Связано это с секуляризацией общественного сознания, сместившего акцент с духовных ценностей на душевные. Приведены примеры таких слов: прелесть, прозябать, ревновать, лихой.

Ключевые слова: внутрисловная антонимия, энантиосемия, церковнославянский язык, секуляризация, примеры антонимии, прелесть, прозябать, ревновать, лихой.

Человек проявляет себя в контексте культуры, в которой живет. А более всего проявляет себя в языке, отражающим как в зеркале духовные, исторические процессы, а также процессы в жизни языковой личности и социума в целом. Богатую пищу для исследования и размышления дают некоторые церковнославянизмы, встречающиеся в современном русском языке. Если внимательно читать сочинения святых отцов, то можно заметить, что определенные слова используются в современном языке в другом значении. Феномен, когда внутри одного слова «живут» разные значения, называется «внутрисловной антонимией» или «энантиосемией». Пример: «Студент прослушал лекцию». В каком значении здесь используется слово «прослушал» — «ознакомился, посетил лекцию» или «не усвоил, слушал невнимательно»?

Это интересное явление можно встретить и в историческом контексте. Речь пойдет о диахронической или исторической внутрисловной антонимии. И рассмотрим это явление на примере

слова «прелесть». Первое послание апостола Павла к Тимофею: «Не Адам же прельстившись, жена же прельстившись в преступлении бысть» (1 Тим. 2, 14). В «Великом каноне» прп. Андрея Критского читаем: «Воззрех на садовную красоту, и прельстився умом; оттуда лежу наг и срамлюся» (Андрей Критский. 2005, с. 10). В этих примерах слова однокоренные слову «прѣльсть» обозначают впадение в обман, заблуждение, обольщение (от греч. *πλάγη*) — в соответствии с православной верой, «обманчивая святость», сопровождающаяся высшей и очень тонкой формой лести самому себе, самообманом, мечтательностью, гордыней, мнением о своем достоинстве и совершенстве.

В словаре В. Даля находим такое значение слову «прелесть»: «Прелесть — что обольщает в высшей мере; обольщение, обаяние; мана, морока, обман, соблазн, совращение от злого духа» (Даль. 1907, ст. 1025). Сегодня в обыденной речи слово «прелесть» обозначает что-то весьма красивое и утонченное. Однако в святоотеческом учении под прелестью имеется в виду одна из главных духовных опасностей или бед. И касается она как обычных людей, так и подвижников, совершающих аскетические подвиги. Как писал свт. Игнатий (Брянчанинов): «прелесть есть повреждение естества человеческого ложью. Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведенное падением праотцов наших. Все мы — в прелести» (Игнатий (Брянчанинов). 2001, с. 212). Причем, «величайшая прелесть — признавать себя свободным от прелести» (там же).

Прелесть — это зачарованность собой и своими якобы особыми духовными способностями. Прелесть может, например, выражаться в стремлении к благодатным ощущениям при молитве, в мечтательности и воображении священных картин, видениях и встречах с ангелами. Но к видениям отцы Церкви настоятельно советовали относиться крайне осторожно и не доверять им.

Как говорил свт. Игнатий Брянчанинов: «самый опасный, неправильный образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силою воображения своего мечты или картины, заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же — из своего собственного состояния, из своего падения, из своей греховности, из своего самообольщения, этими картинами льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывает себя. Очевидно, что все,

сочиняемое мечтательностью нашей падшей природы, извращенной падением природы, не существует на самом деле, — есть вымысел и ложь, столько свойственные, столько возлюбленные падшему ангелу» (там же, с. 216).

Прелесть может выражаться в излишней душевной ревности, когда кто-то поучает других в том, что им может быть полезно для их спасения. Снаружи это может выглядеть очень благочестивым, ревностью по Богу и Церкви, но изнутри оно опять-таки исполнено самомнения и гордости. Снова процитируем Игнатий (Брянчанинова). Прелестная ревность «заключается в более или менее жестком осуждении и обличении ближних в их нравственных погрешностях и в погрешностях против церковного благочиния и чиноположения. Обманутые ложным понятием о ревности, неблагоприятные ревнители думают, предаваясь ей, подражать святым Отцам и святым мученикам, забыв о себе, что они, ревнители, — не святые, а грешники. Если святые обличали согрешающих и нечестивых, то обличали по велению Божию, по обязанности своей, по внушению Святаго Духа, а не по внушению страстей своих и демонов. Кто ж решится самопроизвольно обличать брата или сделать ему замечание, тот ясно обнаруживает и доказывает, что он счел себя благоразумнее и добродетельнее обличаемого им, что он действует по увлечению страсти и по обольщению демонскими помыслами» (Игнатий (Брянчанинов). 2003, с. 244).

В русском языке слово «прелесть» заимствовано из старославянского языка, в котором к слову «льсть» прибавилась приставка «пре-». Первичное значение этого слова — обман, соращение с помощью лести. То есть, «прелесть» — высшая степень обмана самого себя.

В древнегреческом же языке слово «прелесть» это «ἡ πλάνη» (planē), что переводится как «блуждание», «странствование», «заблуждение», «ошибка», «шаткость», «обман». Однокоренной глагол πλάνω (planō) также означает «блуждать», «скитаться», «вводить в заблуждение».

Если исходить из исходного смысла древнегреческого слова «прелесть», то состояние прелести — следствие незнания и непонимания самого себя, своей греховности и падшести. Человек блуждает в разных мечтаниях, которые льстят его тщеславию и самомнению. Примечательно краткое определение прелести,

которое дал тот же Игнатий (Брянчанинов): «Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину» (Игнатий (Брянчанинов). 2001, с. 213).

В таком значении это слово находилось и продолжает находиться в святоотеческой литературе. Но, параллельно происходят и другие процессы в языке. Положительный оценочный знак фиксируется примерно с 1764–1765 гг., тогда как отрицательная оценка возникает на протяжении всего десятилетия, но после 1765 г. исключительно в специальных контекстах. Следовательно, мы можем уточнить предположение о том, что «слово прелесть, за исключением религиозных контекстов, по-видимому, уже в пушкинскую эпоху происходит смена значения, а точнее — отрицательная коннотация меняется на положительную» (Зализняк. 2008, с. 666). Уже с 1764–1765 гг. отрицательное и положительное значения слова «прелесть» оказываются в дополнительной дистрибуции: в негативном значении ‘соблазн’ свойственно текстам нравоучительной и религиозной тематики, написанным в высоком стиле.

В статье, посвященной анализу стихотворения А. С. Пушкина «Мадонна», Н. В. Перцов полемизирует с А. Н. Архангельским о стилистической правильности и уместности строки «чистойшей прелести чистейший образец» (Перцов. 2000). Хотя указанные работы и затрагивают отдельные аспекты функционирования слова прелесть, они не дают целостной и последовательной картины семантической и оценочной динамики лексической единицы.

Почему же стало возможным использование слова в несвойственном ему значении? Одной из причин стала секуляризация общественного сознания в середине восемнадцатого века. Отношение к духовной жизни становится все более прохладным и то, что воцерковленное сознание воспринимало как опасность для души, становится менее значимым, не так актуально для внутренней жизни. Но само слово «прелесть» не уходит на периферию, а приобретает положительный оценочный компонент. Следующая причина — увлеченность французской переводной литературой высшего общества. Французское слово «charmant» в переводе на русский выглядит как «прелестный». И в переводной литературе слово становится частотным.

Еще одно слово «**прозябать**», которое, наоборот, сменило значение с положительной оценкой на значение с крайне негативным

оценочным компонентом. Первоначальное значение «расти, произрастать, тянуться к свету». В акафисте Пресвятой Богородице читаем «Радуйся, преукрашенная лепотами всех добродетелей, Дево; радуйся, Невесто невестная. Радуйся, возрастившая цвет неувядаемый, Христа; радуйся, раю словесный, Древо жизни нам прозябшая. Радуйся, сене небесная, от зноя страстей нас сохраняющая; радуйся, покрове миру, ширший облака». В первой половине XIX в. в художественной литературе слово встречается уже с отрицательной коннотацией. «вести малосодержательную, унылую, безрадостную жизнь, бесцельное, пустое существование». «Чувствую, что я живу, а не прозябаю, что я человек, а не животное» (Белинский Г. Письмо М. А. Бакунину. 1 ноября 1837). «Эти женщины не жили никогда, а прозябали только, кормились и хозяйничали» (Н. Г. Помяловский. «Молотов»). Или у Л. Н. Толстого: «Но стоило только приехать и пожить в Петербурге, в том кругу... где жили, именно жили, а не прозябали, как в Москве, и тотчас все мысли эти исчезали и таяли, как воск от лица огня» (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»).

Но, также можно встретить в художественной литературе и положительный оценочный компонент этого слова. «Царь естества, — отвечал монах. — Различные породы животных от чело века до неприметного глазу насекомого, все растения от кедра ливанского до мелкой плесени, все ископаемые от алмаза до простой глины живут, прозябают или образуются в недрах земли теплотою солнца, душою вселенной» (Ф. В. Булгарин. «Димитрий Самозванец»). «Это я мог чувствовать, затем что и на последнюю былинку проливается свет Божией денницы и пригревает и нежит ее так же, как и роскошный цветок, возле которого смиренно прозябает она» (Ф. М. Достоевский. «Неточка Незванова»).

В святоотеческой литературе то же слово употребляется в первоначальном своем значении: «прорастать, пускать ростки». «Растения прозябают из семени и цветут от действия на них благорастворенного воздуха, и разум человека возрастает и процветает от исполнения и хранения заповедей» (Игнатий (Брянчанинов). 2004, с. 169).

Еще одно слово, изменившее свое значение это слово **«ревновать»** — испытывать мучительные сомнения в любви кого-либо. Слово может означать также чувство зависти к кому-либо, чему-либо. «Не ревновал тоже и к тому, что он [Версильов] говорил

с ним как бы серьезнее, чем со мной» (Ф. М. Достоевский. «Под-росток»). «Василий Шорин был первым из московских торговых людей, который смел ревновать к славе Строгановых и считать себя с ними ровней» (С. Злобин. «Степан Разин»).

В то время как устаревшее значение этого слова: «иметь горячее рвение, усердие к чему-либо». «Но кто ж, усердьем пламенея, Ревнуя к общему добру, Донос на мощного злодея Предубежденному Петру К ногам положит не робея?» (А. С. Пушкин. «Полтава»). «Когда святой отец ревнует к вере, Да согласит владык он христианских Идти собща на турецкого султана» (А. К. Толстой. «Царь Борис»). Положительная оценка слова сохраняется в значении «заботиться о ком-чем-либо». «Лиса — тетеревей и всякую птицу истребляет, волк — барашков, телят, и приносят нам убыток. Ну, тогда человек, ревнуя о себе, обязан волков истреблять, — так я понимаю» (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»).

Еще одно слово, которое может служить примером энантио-семии — «**лихой**». Первоначальное значение «опасный, разбойный, плохой, худой» восходит к однокоренному слову «лихо». Лихой человек — разбойник, которого надо опасаться. Позже слово стало означать «смелый, храбрый, удалой». У М. Ю. Лермонтова именно в этом значении встречаем в поэме «Бородино»: «Да, были люди в наше время, Могучее, лихое племя». Особую популярность слово с новым, положительным значением получило во время гражданской войны. «Шли лихие эскадроны приамурских партизан» (С. Алымов. «По долинам и по взгорьям»). «Лихие налеты давыдовских партизан вносили панику и смятение в ряды врага и чаще всего кончались полной победой» (П. Вершигора. «Люди с чистой совестью»).

В положительном значении «ловкий, искусный» встречаем это слово в литературе советского времени, у А. Твардовского: «Прапорщик армейский. И соберись, и уложись, И в час беды такой Еще хозяйкой окажись Проворной и лихой» (А. Твардовский. «Дом у дороги»). То есть актуализируется положительное значение слова «умеющий работать хорошо и быстро, проворный в работе».

Таким образом, видно, что слова, обозначающие духовные понятия, личностные качества человека с течением времени поменяли значение, а точнее сказать, свой оценочный компонент. Связано это с секуляризацией общественного сознания,

сместившего акцент с духовных ценностей на душевные. Слово, обозначающее понятие в области сокращенного, перешло в сферу разговорного языка в новом значении.

Сам термин «**секуляризация**» — продукт западной мысли XIX века. Ранее это понятие употреблялось лишь в историко-правовом контексте для описания процессов перехода лица или вещи из духовного состояния в светское. В XIX веке под секуляризацией стали понимать мировоззренческую позицию — отказ от религиозного миропонимания на уровне сознания, что неизбежно повлияло на все сферы общественной жизни.

Но это не значит, конечно, что само явление секуляризации, ослабление религиозных связей и обесценивание священного в обществе начинается лишь в XIX столетии. Борьба мирского и духовного, земли и Неба — процесс гораздо более древний. А поле ее, по меткому слову Федора Михайловича Достоевского, — «сердце человека» [Достоевский. 1980, с. 241].

Литература

Андрей Критский, npr. Канон великий. М.: Артос-Медиа, 2005. 160 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3. В 4 т. Т. 3. СПб.-М., 1907.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1980.

Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 660–667.

Игнатий (Брянчанинов), свт. О прелести // Он же. Полное собрание творений. Т. 1. М., 2001. С. 212–239.

Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений. Т. 5. М.: Паломникъ, 2003.

Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений. Т. 6. М.: Паломникъ, 2004.

Перцов Н. В. О последнем сонете Пушкина // Логический анализ языка. Язык этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 399–405.

Непраш Олеся Владимировна (Новосибирск), преподаватель русского языка, практический психолог, Новосибирское высшее

военное командное училище, Новосибирский государственный аграрный университет, старший преподаватель; neprasch@gmail.com.

Ссылка на публикацию:

Непраш О. В. Внутрисловная антонимия некоторых церковнославянизмов. Аксиологический аспект // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы пятой всероссийской конференции. Санкт-Петербург, 26 октября 2024 г. СПб.: ЦХПА, 2024. С. 54–61.